

Ежик и Туманный Лес

М.А.Бураш

16+

Михаил Бураш
Ежик и Туманный Лес

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бураш М.

Ежик и Туманный Лес / М. Бураш — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Это короткая история об исследовании космоса, обычных людях и опасностях, которые могут подстергать человечество на темных дорогах между далеких звезд. Любые совпадения являются случайными, кроме имен главных героев, перенесенных мной из прошлого в далекое будущее. Это не плагиат, но дань уважения любимым персонажам моего детства.

– Проклятый туман! До чего же он достал, зараза! – Ежик огляделась вокруг, стараясь найти прогалину между стволами росших гигантов. Но сгустившийся туман, причудливо струясь между деревьями, не позволял видеть ничего дальше десятка метров, да и то, когда встречалось разряжение в белесой пелене. Чертов туман, не будь его, она ни за что бы не разнесла подвеску передних колес вездехода о тот громадный корень, предательски вылезший из земли почти на метр на казавшейся столь безопасной тропе. В последнюю секунду Ежик смогла притормозить, но скорость все равно оказалась слишком высокой, и шестиколесный вездеход налетел на изгиб острого и твердого, как камень, древесного корня. С жалобным визгом рвущегося металла передние опорные стойки вывернуло из шарниров на корпусе, а машина грузно осела на нос. Одна армированная крышка взорвалась, далеко разбросав куски металлорезины, диск другого колеса прогнулся от удара. Сами опоры были изогнуты силой удара. Даже если бы Ежик и смогла каким-то чудом отремонтировать шарнирные крепления опор, восстановить лопнувшие кабели подачи энергии, то без колеса, с изуродованными стойками и диском, этот вездеход уже никуда бы не доехал. Здесь нужны были корабельная мастерская, запчасти и умелые руки. Но мастерская и запчасти осталось почти в шести сотнях километров позади, за лесом странных исполинских деревьев и проклятым туманом. А что касается умелых рук, то остались ли они сейчас на планете, Ежик не знала. До цели оставалось всего каких-то 50-60 километров, но проделать их теперь предстояло пешком. Километров сорок приходилось на этот лес. И выбора тоже не было, шансов уцелеть на обратном пути без вездехода не оставалось. И что еще ухудшало ситуацию, походная рация во время аварии ухитрилась выскочить из своего гнезда и разлетелась от удара на несколько обломков, а рация вездехода была слишком массивна и требовала чересчур много энергии для работы, чтобы ее можно было снять и взять с собой. Ежик связалась с компьютером корабля, оставив сообщение на случай, если кто-то сможет его прослушать, подробно описав маршрут, встреченные препятствия и возможные угрозы, скинула файл с картой и расположением разбитого вездехода, сказала, что идет дальше пешком и без связи. Указала она на карте и то место, где ей удалось запеленговать рацию Медвежонка. Шанс того, что во второй поисковой группе кто-то выжил и вернется на корабль, был невелик, но если такое произойдет, возможно, товарищи еще успеют к ним на выручку. Если только кто-то вернется на корабль. Ежик сложила в большой рюкзак сменные дыхательные фильтры и преобразователи, запас сухого топлива, запасные энергоячейки для скафандра и плазмогана, кинула туда же аптечки и ремонтный комплект для скафандра. Все остальное место заняли пайки и вода. Да, скафандр восстанавливал частично питьевую воду, но та все равно расходовалась, а идти предстояло долго, в жаркой и влажной атмосфере, да и Медвежонку, вполне вероятно, будет нужна вода. И неизвестно, сколько им предстоит дожидаться помощи, если она еще придет, помощь эта. Ежик встрепенулась, дернула головой, отгоняя дурные мысли. Конечно, хоть кто-то должен вернуться на звездолет, получить ее сообщение. Помощь придет, непременно, но сперва она найдет и спасет Медвежонка. Еще раз осмотрев кабину вездехода, не позабыла ли чего важного, Ежик повесила на шею плазмоган, включила гиперсеть и спрыгнула на грунт, в белесое море тумана. На индикаторе тут же загорелись оранжевые огоньки сигнала малой биологической опасности среды.

А началось все без малого три года назад. Ежик, хотя ее настоящее имя было совсем не Ежик, но это прозвище прицепилось к ней за время экспедиции, то ли за коротко остриженные черные волосы, частенько торчащие во все стороны во время долгих полевых вылазок на планетах, то ли за коллекцию пластилиновых ежиков, которых она лепила после каждой высадки на планеты и астероиды. Возможно, за то и другое вместе. Так вот, Ежик, по образованию космогеолог и космогеодезист, была в составе экспедиции на борту малого исследовательского звездолета «Можжевательник», порт приписки Земля, Татарстан, Казань, оснащенного прыжковым двигателем с максимальной дальностью прыжка в 100 светолет, собиравшего информацию о звездных системах и астероидных поясах Рукава Ориона в направлении к ядру Галак-

тики. Это была обычная экспедиция, разве что слегка подзатянувшаяся, но это было ожидаемо, ведь на этот раз зона поиска была ближе к ядру, чем у всех предшествующих экспедиций. Все проходило размеренно, без серьезных происшествий, план исследований был закрыт, трюмы и датабанки заполнены образцами и записями, и корабль уже давно лег на обратный курс. «Можжевательник» возвращался из очередной экспедиции по Млечному Пути. Корабль был уже совсем не молод, это была двадцатая экспедиция на его счету и восьмой состав экипажа. А если учесть, что в среднем такой исследовательский полет занимал от двух до трех лет, то становилось понятно, почему этот рейс «Можжевательника» должен был стать последним. Отчего так долго занимали экспедиции? Гипердвигатели требовали достаточно длительного времени на то, чтобы нормализоваться в настоящем пространстве. За время прыжка они накапливали аномальные искажения свойственные гиперпространству, это можно было сравнить с разогревом. После возвращения в настоящее пространство им требовалось время, чтобы «остыть». Когда час, а когда и день, а то и два. В случае экстренной необходимости можно было уйти в прыжок и с «горячими» двигателями, но это повышало вероятность ошибки в ориентации прыжка, и тогда звездолет мог выскочить в десятке световых лет от заданной точки. Век межзвездных исследовательских кораблей недолог, сказывается и износ корпуса от спуска в атмосферу планет, и напряжения в несущих элементах в момент совершения прыжка в гиперпространстве. Изнашивается и двигатель, хоть в нем и нет движущихся деталей, но при подаче прыжкового импульса даже невооруженным глазом можно видеть, как деформируются титановые фокусирующие кольца, и волной изгибается защитный кожух. Да и генераторы защитного силового купола, защищающие корабль и экипаж от враждебных эманаций гиперпространства, со временем старели и отказывали, а заменить эти устройства, по сути, пронизывающие собой весь внешний корпус корабля было и сложно, и неоправданно дорого. Потому-то и предпочитали утилизировать малые и средние корабли после выработки ресурса, вместо того, чтобы модернизировать старичков. Только суперлайнеры, перевозившие до нескольких десятков тысяч колонистов и сотни тысяч тонн груза за рейс, да военные корабли-монстры класса звездных линкоров и мобильных системных баз, отлетаев свой срок, уходили на лунные стапели для переоснащения. Но эти корабли, в отличие от малых судов, изначально строились с расчетом возможности переоборудования и переоснащения, быстрой замены двигателей и корпусных элементов. Слишком уж долго и сложно было собирать этих титанов, иной раз в километры длиной и сотни метров в поперечнике в космосе, ведь всю начинку приходилось поднимать на орбиту с земных или лунных заводов. А вот корпусные панели с интегрированной паутиной защитных экранов было дешевле и проще производить прямо на орбите, что с успехом и делалось.

Итак, старенький корабль преодолел примерно треть пути к домашней желтой звездочке, названной людьми Солнцем, когда произошло ЧП. До очередного выхода из гиперпространства оставалось каких-то пять минут, когда царившее на борту спокойствие разорвал аварийный ревун распада защитного поля. Командный экран вспыхнул багрянцем, отмечая на схеме звездолета места пробития защитного купола поля, а поверх экрана яростно замигало табло предупреждения об экстренном выходе из гиперпространства с отсчетом обратного времени от пяти секунд вниз. Но и коротких пяти секунд хватило, чтобы из окружавшего «Можжевательник» загадочного «ничто», о сути коего ученые до сих пор не пришли к единому мнению, в уютные коридоры корабля ворвались бестелесные сущности, оставляя за собой хаос разрушений. С диким визгом дымчатые тени пронеслись по отсекам в поисках любой жизни, какая могла им подвернуться по пути. Одной из них встретилась клетка с любимцем экипажа – говорящим попугаем по кличке Жаконя. Тень соединилась с птицей, и та чудовищно изменилась, в мгновение превратившись в жуткую горгулью с огромной пастью, полной волчьих клыков, истекающих ядом. Другая тень ворвалась на мостик и слилась со Штурманом, изменившимся не менее чудовищно, чем попугай. Тело его раздалось вширь и ввысь, голова разлетелась в

облаке красных брызг, а на груди, из-под лопнувшей рубашки злобно сверкнули десятки нали-тых кровью глаз над раскрывшимся на месте живота огромным зубастым ртом. Прежде, чем кто-то успел среагировать, чудовище одним ударом раскроило голову Пилоту, а потом словно перетекло к Капитану и схватило его ставшими непомерно длинными руками с когтями вме-сто ногтей, и одним движением сложив пополам, сунуло в жадно распахнутый зев рта. В это же время корабль содрогнулся и выпал из гиперпространства в нормальный космос. И тотчас все дымчатые тени исчезли, как всегда, не в силах пересечь невидимый барьер, разделявший миры. Ревун замолчал, но ему на смену запищали сигналы повреждения различных систем корабля. На полу ходовой рубки лежали тела Пилота, Шурмана и Капитана, изуродованные, залитые кровью. В кают-компаниях на полу клетки лежало мертвое изломанное тельце попугая. И только тогда раздались крики ужаса оставшихся в живых членов экспедиции.

Тела погибших уложили в черные мешки и перенесли в холодильник. Кровь смыли с пола и стен. Мертвого попугая кремировали. По счастливой случайности, системы энергоснабже-ния и жизнеобеспечения не пострадали. В ближайшем будущем ничего серьезного кораблю и экипажу не грозило. Все поврежденные системы были обследованы Бортинженером, Техни-ком и двумя Механиками, бывшими в составе экспедиции. Остальные члены экипажа были заняты тщательным осмотром отсеков и груза в трюмах. На все ушло больше двух дней, и вот, после ужина на третий день, в кают-компаниях «Можжевелика» собрались все оставшиеся на борту люди. Лица всех были серьезны, некоторые выглядели напуганными. Слово попросил Бортинженер.

– Не хочу никого пугать, – начал широкоплечий мужчина средних лет, – но ситуация складывается хоть и не катастрофическая, но весьма неприятная для нас. Прежде всего, хочу успокоить всех здесь присутствующих, непосредственная опасность миновала. Все основные системы корабля либо остались в целостности и сохранности, либо имеют минимальные повре-ждения, которые мы можем частично устранить, а частично можем просто игнорировать. Это плюсы. Теперь о проблемах. Во-первых, мы потеряли связь. От слова «совсем». Сбой защит-ного поля привел к уничтожению внешних антенн дальней гиперпространственной связи. Вер-нее, мы потеряли все внешние антенны, но восстановить антенны ближней радиосвязи не пред-ставляет трудности. Думаю, никому не нужно объяснять, что толку от радиосвязи нам нет никакого, мы все успеем состариться и умереть, прежде, чем радиосигнал поймает какой-либо корабль, и уж тем более, пока он достигнет Солнечной системы. Вижу по вашим лицам, вам непонятно, зачем нам нужна радиосвязь, да и связь вообще в настоящий момент. И вот теперь о нашей главной проблеме. – Бортинженер сделал паузу и продолжил. – У нас сильно повре-жден генератор защитного купола. – Он снова помолчал, глядя на разом помрачневшие лица. – Вы все знаете, что это значит. Да, мы не сможем уйти в прыжок через гиперпространство с выключенным защитным полем, слишком велик риск встретиться с созданиями другой реаль-ности. Еще одну такую встречу мы можем не пережить. Можно попробовать починить то, что удастся и перераспределить напряженность поля, прикрыв бреши. Но я не могу дать гарантию, что во время прыжка не возникнут новые бреши из-за повышенной нагрузки на сохранивши-еся контуры. Ремонт мелких повреждений займет у нас примерно пару недель, может, три. На восстановление защитного поля мне нужно не менее месяца. Если это будет вынесено на голосование и мы решим продолжить полет, я могу только заверить вас в том, что на момент начала следующего прыжка поле будет работоспособным, но не поручусь, что оно выдержит без сбоев хотя бы один длительный прыжок. У меня все. – Бортинженер с явным облегчением сошел с возвышения и уселся на свободный стул.

Его место занял пилот флаера, которого все в экипаже звали Медвежонок. На самом деле его звали не Медвежонок, но он не обижался, ему даже нравилось это прозвище. Он был огромного роста, коренастый, тяжелый, с лохматой шевелюрой и широкой бородой, с мощ-

ными ручищами, способными сгибать сердечки из толстых стальных прутьев. Ходил он вразвалку, словно настоящий медведь, но несмотря на такую внешность он был очень мягким человеком, всегда готовым помочь, совершенно неспособный на грубость или жестокость. Никто уже и не помнил, кто назвал его впервые Медвежонок в разговоре, но это так подходило ему, что вскоре никто уже и не обращался к нему по имени, а только по прозвищу. Медвежонок влез на возвышение, почти упираясь головой в потолок кают-компании, как-то по-детски беспомощно улыбнулся и негромким басом произнес, словно извиняясь:

– Мы тут проверяли продуктовые холодильники на корме. Всего их там три, но один уже пуст, мы там все подъели за дорогу. Второй почти пустой, заполнен от силы на четверть, зато с третьим, который был еще не распечатан, совсем беда. Туда во время аварии, похоже, эта пакость из гиперпространства умудрилась попасть. Почти все продукты, что там были пришли в негодность, вместо мяса и овощей слизь какая-то. Консервы повзрывались. Вместо сухого молока какой-то черный вонючий порошок остался. Одним словом, еды там наскрести осталось хорошо, если на неделю-другую. Вот такое паскудство. – он огорченно махнул рукой и вернулся на свое место.

По кают-компании пробежал ропот. Это было уже серьезно. В трех холодильниках хранился основной запас провизии для путешествия – концентраты, консервы, обезвоженные продукты и напитки. Был еще носовой резервный холодильник, но запаса продовольствия в нем хватило бы не более, чем на три недели. Это был НЗ. Хотя, если ввести ограниченный рацион, можно было растянуть и подольше. Был еще аварийный синтезатор пищи, способный выдавать питательную смесь, похожую на жидкую глину, да и вкусом недалеко от нее ушедшую, питаться длительное время этой гадостью не рекомендовалось, в ней не хватало витаминов и ряда аминокислот, необходимых человеческому организму. Без запаса провизии членам экспедиции грозило полуголодное существование.

Со своего стула поднялась Космобиолог экспедиции. За густую белую гриву, длинное лицо и крупные передние зубы некоторые иногда в разговорах называли ее Белой Лошадью, но только так, чтобы она об этом не узнала. Она не стала выходить вперед и начала прямо с места:

- Если я правильно поняла предыдущее заявление, то еды у нас почти не остается, так?
- Ну так и есть. – словно извиняясь пробасил Медвежонок.

– Значит, долго тянуть с возвращением у нас не выйдет. А что если нам попробовать добраться до ближайшего планетарного ретранслятора? В этой части рукава галактики их должны быть сотни, если мне не изменяет память. А если еще и повезет найти расположенный на планете с биосферой на основе углерода и кислорода, то мы сможем наладить синтез необходимой пищи и дожидаться на планете прибытия спасательного корабля. У меня все.

Все, как один, повернулись и посмотрели на Второго Помощника, тихо сидевшего в углу комнаты. За те пять секунд, что звездолет находился во власти гиперпространства, этот бывший тогда рядом с капитаном в ходовой рубке тридцатишестилетний мужчина стал седым, как лунь. Только надо лбом его выделялась единственная темная прядка.

– Пока я не могу сказать ничего определенного. – он поднялся, опираясь на спинку стула. – Мы выскочили из прыжка раньше времени. Расчетная точка выхода была примерно в неделю пространственного полета до маяка № 365. Расположен он на необитаемой планете, без атмосферы. По сути, это просто кусок камня. Но на расстоянии от трех до 15 световых

лет от маяка должны находиться несколько планет с ретрансляторами и с атмосферой, и не менее двух с биосферой. Информация о них должна быть в бортовом компьютере. Мы можем попробовать добраться до одной из этих планет, совершить посадку и дожидаться помощи. – Второй Помощник сел.

Было видно, что этот план пришелся по нраву многим в зале. Да, он нес в себе риск прыжка с неисправным генератором защитного купола, но это был короткий прыжок, на минимальную дистанцию. В случае же успеха, спасение было гарантировано. После передачи сигнала SOS спасатели добрались бы до них не более, чем за четыре-пять дней, ведь на спасательные корабли устанавливали мало того, что двигатели дальнего прыжка, способные покрывать за один заход в гиперпространство до 500 световых лет, но еще и двойные комплекты двигателей. Пока одни тащили корабль в прыжке, другие, надежно заэкранированные от влияния гипера, «остывали». Спасателям очень редко приходилось задерживаться в нормальном пространстве между прыжками дольше, чем требовалось для проверки курса и расчета необходимых коррекций следующего прыжка, ну разве что не повезет нарваться на шторм в гиперпространстве, после которого двигателям требовалось намного больше времени, чтобы избавиться от «ненормальности», накопленной по ту сторону рельности.

После короткого обсуждения вопрос о полете на планету с ретранслятором был вынесен на голосование. Неудивительно, что большинство проголосовало за. Против был Бортинженер, и как ни странно, сам Второй Помощник. Но, оставшись в меньшинстве, спорить они не стали, а просто сказали, что выполнят все в соответствии с решением большинства экипажа. На этом собрание и закончилось. Перед тем, как все разошлись по каютам, Бортинженер попросил всех желающих помочь с ремонтами зайти к нему для составления графика работ. Естественно, каждый член экипажа вызвался добровольцем, всем хотелось поскорее вернуться домой, под голубое небо далекой Земли. Но Бортинженер остудил энтузиазм народа, пояснив, что только те, кто имеет техническое образование и опыт работы с электронными системами и энергетическими установками смогут принять участие в ремонте «Можжевелика». Среди толпящихся вокруг него послышались разочарованные возгласы. Увидев, как его отказ расстроил некоторых членов экспедиции, Бортинженер поспешно добавил, что возможно, потребуется и некоторая неквалифицированная помощь, и вот тогда он с удовольствием примет помощь тех, кто не сможет непосредственно заниматься ремонтом звездолета. В итоге, все расхопившиеся повеселевшие, коридоры корабля наполнились гомоном, зазвучали шутки и смех.

На следующий день после собрания в ходовой рубке по вызову Второго Помощника собрались оставшие члены экипажа звездолета. Тот встретил их, сидя в капитанском кресле с ополовиненной чашкой черного кофе. Помощник провел несколько часов этим утром за монитором навигационного компьютера, сперва запустив задачу поиска координат корабля относительно Земли и ближайших навигационных маяков. Как оказалось, это было совсем не простой задачей. Обычно компьютер сверялся с пространственной сеткой маяков по их гиперсигналам, но без возможности использовать гиперсветовой приемник звездолета пришлось вернуться к дедовскому методу, и искать координаты по расположению ключевых созвездий и звезд. Для этого компьютеру пришлось сверять картину звездного неба с имеющимися трехмерными звездными картами, прогоняя поиск по тысячам проекций. Помощник уже успел задремать в кресле, когда терминал громко пискнул, объявив о найденных координатах. На экране напротив пульта развернулась схематическая картинка с ближайшими звездами, зеленой точкой звездолета, красными точками навигационных маяков и двумя мигающими оранжевыми точками, отметивших ретрансляторы в радиусе десяти световых лет от «Можжевелика». Одна из них была совсем близко, не более полутора светового года от точки в пространстве, где застрял звездолет. Вторая была почти на границе сферы поиска, да к тому же в противоположной стороне от Земли. Ближняя планета не имела названия, только код X787-R00184. По

запросу Второго Помощника бортовая информационная система вывела на вспомогательные экраны информацию о звезде системы, самой планете и установленном на ней ретрансляторе. Собственно, после этого Помощник и вызвал остальных в рубку.

Когда все собрались и взяли по кружке горячего ароматного корабельного кофе, Помощник объяснил для начала все, что касалось их нынешних координат и ближайшего окружения, высвечивая то один, то другой объект на основном экране. Потом он прешел к информации о станции ретранслятора и планете.

– К сожалению, у нас не так много информации о планете и станции ретранслятора. Как вы можете понять по коду планеты, это одним из первых ретрансляторов, установленный более двухсот лет назад. Передатчик там стоит слабенький, добивает только на расстояние 15 светолет. Из-за этого и был установлен воон тот второй новый ретранслятор с дистанцией связи до 100 светолет. К сожалению, он находится намного дальше, а в нашей ситуации это решающий фактор. Но вернемся к нашей цели полета и древней станции. Согласно файлу, аппаратный узел должен был быть заменен на новый еще 30 лет назад по программе модернизации гиперсвязи. На планету был отправлен автоматический корабль-ретранслятор серии РТ15-А. Он должен был совершить посадку на планету недалеко от старой станции, трансформироваться в станцию ретранслятора и отправить команду на отключение старой станции. Возможно, вы знаете, что эти роботизированные корабли оснащены ремонтными системами, способными собрать звездолет обратно, даже если он рассыпется на десяток частей, кроме того, за все время эксплуатации этой серии произошло всего две катастрофы с их участием. Одна случилась на Юпитере, когда в только что сошедший со ступеней звездолет на полном ходу врезалась частная яхта с пьяным пилотом. Вторая случилась на Х787-R00184. Корабль вышел из прыжка в штатном режиме, через три дня достиг орбиты планеты и начал спуск, после чего связь с ним прервалась. Обрато на связь он не вышел, старая станция не была заглушена, что дало основания считать корабль-робот погибшим при посадке при невыясненных обстоятельствах. Старый ретранслятор снова внесли в очередь на замену. Согласно графику, следующий трансформер будет отправлен к планете только через пять с чем-то лет.

– А сможем ли мы воспользоваться станцией для отправки аварийного сигнала? – озабоченно спросил Бортинженер, почесывая мясистый нос, как он всегда делал, когда волновался.

– Да, конечно. Несмотря на то, что станция очень древняя, на ней предусмотрено ручное управление. Там даже есть жилое помещение с искусственным климатом.

– А что насчет защитных систем?

– На станции изначально был комплект из пяти ремонтно-охранных ботов и мастерская. Возможно, они все еще функционируют. Но они должны защищать станцию только от планетарной жизни, буде таковая попытается проникнуть внутрь.

– О, а как насчет планетарной жизни, – поинтересовался младший из Механиков.

– Да, планета обитаема, но разумная жизнь на ней не была обнаружена. Следов технологических цивилизаций обнаружено не было, равно как и дотехнологических. Есть несколько крупных морей, реки, два основных материка, несколько крупных островов. Материк, на котором находится ретранслятор расположен на условном северном полушарии. Климат там достаточно теплый, влажный, часты дожди. За время возведения станции ураганы и прочие опасные

атмосферные явления замечны не были. Но это не является гарантией, что их не может быть. Одна из версий катастрофы звездолета-робота была как раз основана на возможном попадании его в ураганный фронт при посадке или столкновение со смерчем. Так, о чем я говорил? А, да, материк по большей части покрыт лесами большой высоты, но сама станция стоит на степном плоскогорье, выше границы леса. Были замечены представители фауны, достаточно крупные, чтобы представлять возможную опасность. Однако, было особо отмечено, что признаков неспровоцированной агрессии с их стороны замечено не было.

– А какой состав атмосферы, я что-то не могу найти. – Бортинженер всматривался в текст на вспомогательных экранах.

– Есть кислород, правда, всего 15 процентов, 40 процентов аргона, 30 процентов углекислого газа, примерно 10 процентов азота, ну и еще ряд газов в малых пропорциях. – Помощник выделил текст цветов и увеличил, – Ничего представляющего непосредственную опасность для людей и техники нет.

– Хорошенькое дело, нет опасности! – возмутился Врач. – Да при такой концентрации углекислоты человек потеряет сознание на втором вдохе!

– Мы сможем использовать дыхательные фильтры. – успокоил его Бортинженер. – Главное, что кислорода достаточно, сможем дышать напрямую из атмосферы. Кстати, какое атмосферное давление мы можем ожидать в районе станции, Второй Помощник?

– Что-то около полутора атмосфер, плюс-минус 10 процентов.

– Еще лучше, это компенсирует более низкое содержание кислорода! – обрадовался Бортинженер. – Ну что ж, мне кажется, посадка и высадка к станции не должны представлять каких-либо проблем. Ходить пешком нам практически не придется, не зря же мы тащим в трюмах четыре вездехода и флаер. Вездеходы предоставят надежную защиту от любых зверей, а атмосфера вполне пригодна для полетов на флаере, если нам придется искать станцию с воздуха. Есть возражения против выбора этой планеты?

Несогласных не было, все одобрительно кивали, а старший Механик даже выставил вверх большой палец в знак одобрения.

– Отлично! – подытожил Бортинженер. – Можно передать эту приятную новость всем остальным и приниматься за ремонт нашего старичка. Пошли товарищи, нас ждут дела.

Следующий месяц прошел в напряженной работе. Особенно тяжело пришлось Бортинженеру. Он то просиживал дни напролет в силовых отсеках генераторов, налившимися кровью глазами всматриваясь в кривые графиков напряженности поля защитного купола в различных частях корпуса корабля, то и дело вводя с консоли поправки в калибровку излучателей, то ползал по внешней обшивке в пустотном скафандре, ставя энергетические перемычки на поврежденных секциях корпуса, иногда взрезая внешнюю броню, чтобы добраться до энергопроводов. Атлетически сложенный мужчина сильно похудел, лицо его приобрело землистый оттенок, а под глазами набрякли мешки. Механики уже закончили ремонтные работы в двигательном отсеке и старались помогать ему, чем могли. К сожалению, особо помочь они были не в состоянии, уж слишком специфическая задача была у Бортинженера. Даже с его квалификацией и многими годами опыта ему приходилось быть крайне аккуратным и осторожным, а во многих случаях тыкаться вслепую, проверяя результат настройки или шунтирования замерами

активированного поля. Тогда он посылал несколько человек в разные отсеки корабля с тестерами, замерять изменения внешних радиационных потоков элементарных частиц, единственный способ, бывший в его распоряжении вдали от стапелей ремонтных мастерских. Но наступил день, когда он созвал общее собрание в кают-компанию и объявил об окончании ремонта генератора. Его слова были встречены аплодисментами и радостными криками. Люди протискивались к нему, чтобы пожать руку или похлопать по плечу. Только Второй Помощник как-то тоскливо сидел в сторонке, и в его глазах плескался страх, вернувшийся вместе с воспоминаниями. Никто не обращал внимания ни на него, ни на его мелко подрагивающие пальцы. Но тут вмешался Врач и, растолкав толпу, категорично заявил, что раз ремонт закончен, он приказывает Бортинженеру принудительный отдых и длительный сон. Он взял вяло сопротивлявшегося Бортинженера под руку и почти отволоч в каюту. Там он уложил его в койку, сделал укол снотворного и, приказав не просыпаться до завтра, погасил свет и вышел, обернувшись с порога, и поглядев на уже уснувшего Бортинженера. Был полдень субботы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.